

Дмитрий Курдыбайло, Денис Кузютин

Кто победил в состязании платоновского «Пира»?*

DMITRY KURDYBAYLO, DENIS KUZYUTIN
WHO WON THE CONTEST OF PLATO'S *SYMPOSIUM*?

ABSTRACT. At the beginning of Plato's *Symposium*, Eryximachus introduces a contest for the best encomium to Eros, making the rest of the dialogue a remarkable competition. We consider the seven speeches of the *Symposium* a kind of competitive game with proper rules, winners, and possibly losers. However, the dialogue provides neither explicit rules of the game, nor criteria to estimate the performance of the competitors. Therefore, to determine them, the following steps are taken. Firstly, the contestants' speeches are analysed to reveal their views on the best kind of speech and to determine the difficulties they face, and which they are ready to overcome in order to win. Secondly, each encomium's structure is examined to discover that all of them have the same composition of an introductory refutation of the previous speaker, the ensuing exposition of the initial theses of the speech, and their explication within a set of proper arguments. Thirdly, the sequence of encomia is discussed bearing in mind the difficulties relating to changing their order. Fourthly, the arguments of all speeches are assembled in a joined list. Finally, each speech is rated according to all the relevant criteria, and a final rating of all seven encomia is given. This rating accords with minor details of the dialogue, which may possibly have a metaphorical sense. The position of the top three encomia corresponds to the special place occupied by Socrates', Agathon's, and Aristophanes' speeches mentioned in major current studies of the *Symposium*.

KEYWORDS: Plato, the *Symposium*, Aristophanes, Eryximachus, contest, encomium, game strategy.

© Д.С. Курдыбайло (Санкт-Петербург). theoreo@yandex.ru. Русская христианская гуманитарная академия.

© Д.В. Кузютин (Санкт-Петербург). d.kuzyutin@yandex.ru. Санкт-Петербургский государственный университет.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 13.2 (2020)

DOI: 10.25985/PI.13.2.05

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00727 К (18-00-00725, 18-00-00628).

«Пир» — один из самых известных и подробно комментируемых диалогов Платона. Однако не так часто исследователи останавливают свое внимание на важной особенности: произнесение речей участниками пира представлено как состязание¹. «Пусть каждый из нас, справа по кругу, скажет как можно лучше похвальное слово Эроту»², — говорит Эриксимах, а когда он закончит свою речь, Сократ обратится к нему: «ведь ты-то, Эриксимах, состязался на славу»³. Стоящее здесь ἡγώνισαι недвусмысленно указывает на борьбу, соперничество, соревнование⁴.

Но раз произнесение речей мыслится как поэтическое состязание, можно поставить вопрос: кто в нем победил? Равно как и другой: были ли проигравшие? Но прежде всего: каковы правила этого состязания? Выяснению этих вопросов мы и посвятим последующее обсуждение.

Состязание поэтическое и состязание философское

Строго говоря, несмотря на предложенную Эриксимахом формулировку «лучшее похвальное слово», остается неясным, в каком жанре будут соревноваться участники: поэтическое ли это состязание, риторическое, или же чисто философское?

Вопрос этот важен в силу того, что сама беседа происходит во время пира в честь Агафона, двумя днями ранее победившего в традиционных афинских состязаниях среди трагических поэтов (*Smr.* 173a5–7)⁵. Поэтому предложение Эриксимаха продолжает тему состязания: всё, что будет происходить далее, может

¹ Особо отметим работу Scott, Welton 2008, в которой состязание, охватывающее весь пир целиком, рассматривается как совокупность парных состязаний его участников.

² *Smr.* 177d2–3: δοκεῖ γάρ μοι χρῆναι ἕκαστον ἡμῶν λόγον εἰπεῖν ἑταῖρον Ἐρωτος ἐπὶ δεξιᾷ ὡς ἂν δύνηται κάλλιστον. Здесь и далее греческий текст цитируется по Burnet 1910, русский перевод С.К. Апта с изменениями.

³ *Smr.* 194a1–2: Καλῶς γὰρ αὐτὸς ἡγώνισαι, ὃ Ἐρυξίμαχε.

⁴ Ср. толкования ἀγωνίζομαι в Liddell, Scott, Jones 1996: 19; Дворецкий 1958: 30.

⁵ Начало этим состязаниям было положено ок. 533 г. до н.э., победа Агафона приходится на 416 г., когда Платону не исполнилось еще и 12 лет (Howatson, Sheffield 2008: xxx; 2, п. 6).

рассматриваться либо как продолжение состязания трагических поэтов, либо как состязание некоего другого рода, противопоставленное первому. Намек на такое противопоставление можно увидеть в 194b3–8, где «тысячи зрителей» трагедии названы Агафоном «многими невеждами» в противоположность «нескольким умным людям», среди которых явно подразумевается Сократ. Иными словами, в театральном выступлении Агафон видит проявление вовсе не тех качеств, которые нужны, чтобы победить мудрых собеседников в описываемой Платоном беседе.

Критерии наилучшей речи

В речах самих участников состязания есть несколько намеков на *критерии* оценки каждой из речей — о них можно судить по тому, к чему стремятся и чего опасаются каждый из энкомиастов⁶.

Первое замечание касается порядка произнесения речей. Сократ говорит: «мы, возлежащие на последних местах, находимся в неравном положении; но если речи наших предшественников окажутся хороши и исчерпывающи, то с нас и этого будет довольно»⁷, — этим обозначается, что каждому следующему участнику труднее произнести речь, чем предыдущему. На наш взгляд, это можно объяснить только одним требованием — чтобы речь была оригинальной, то есть аргументы следующего оратора не должны повторять аргументы предыдущего. Так что, если в первых речах будут исчерпаны все способы восхвалить Эрота, то последним участникам состязания произнести будет уже нечего.

Второй критерий обнаруживается, если сравнить начало каждой из речей: мы увидим, что за исключением Федра, говорившего первым, все остальные участники начинают свою речь с того, что утверждают неправоту своего предшественника или непол-

⁶ Глагол ἐγκωμιάζω многократно употребляется участниками пира по отношению к их похвалам Эроту, например: *Smr.* 177e6, 180c5, 181a6, etc.

⁷ *Smr.* 177e3–5: καίτοι οὐκ ἐξ ἴσου γίγνεται ἡμῖν τοῖς ὑστάτοις κατακειμένοις· ἀλλ' ἐὰν οἱ πρόσθεν ἰκανῶς καὶ καλῶς εἴπωσιν, ἐξαρκεῖσει ἡμῖν.

ноту приведенных им аргументов. Даже Алкивиад, не слышавший ни одну из речей, только лишь узнав, что последним речь держал Сократ, мгновенно готов его опровергать: «неужели ты поверил всему, что Сократ сейчас говорил? Разве ты не знаешь: что бы он тут ни говорил, всё обстоит как раз наоборот»⁸. Нужно полагать, что опровержение аргументов предшествующих ораторов мыслится как одно из достоинств произносимой речи — по меньшей мере, риторического уровня.

Таким образом, каждый из участников находится в неравных условиях по отношению к другим потому, что те, кто произносят свою речь раньше, не знают аргументов последующих речей и не могут их опровергать. В то же время, чем позднее участник берет слово, тем сложнее ему подобрать новые, еще не обсуждавшиеся аргументы. На деле, однако, как мы увидим ниже, эта сложность не столь значительна. Также и критика предшественников за двумя исключениями ограничивается только последней из произнесенных речей.

Наконец, в нескольких речах говорится о шутке и смехе: Агафон утверждает, что в своей речи он «смешал серьезное и шутку»⁹. Аристофан боится «не того, что скажет что-нибудь смешное» — ведь он известный автор комедий, — «а того, что станет посмешищем»¹⁰, также и Сократ опасается быть высмеянным¹¹, а в самом конце диалога все смеются над откровенностью Алкивиада¹². Как видим, лучшая похвала Эроту может быть остроумной, но сам ее автор при этом не должен быть поднят на смех, то есть его аргументация, пускай и шуточная, должна оставить-

⁸ *Smp.* 214c8–d2: καὶ ἄμα, ὦ μακάριε, πείθει τί σε Σωκράτης ὧν ἄρτι εἶπεν; ἢ οἶσθα ὅτι τοῦναντίον ἐστὶ πᾶν ἢ ὃ ἔλεγεν;

⁹ *Smp.* 197e7–8: τὰ μὲν παιδιᾶς, τὰ δὲ σπουδῆς μετρίας, καθ' ὅσον ἐγὼ δύναμαι, μετέχων.

¹⁰ *Smp.* 189b5–7: ἐγὼ φοβοῦμαι περὶ τῶν μελλόντων ῥηθήσεσθαι, οὐ τι μὴ γελοῖα εἶπω... ἀλλὰ μὴ καταγέλαστα.

¹¹ *Smp.* 198c5–6, 199b1–2.

¹² *Smp.* 222c1–2: γέλωτα γενέσθαι ἐπὶ τῇ παρρησίᾳ αὐτοῦ. — Заметим, что даже в серьезной речи врача Эриксимаха есть ряд моментов с явным оттенком юмора (Edelstein 1945: 88–89).

ся убедительной. Примером «шуточной аргументации» можно считать, например, исходное положение Агафона, построенное на отрицании общеизвестного гесиодовского мифа о древности Эрота¹³.

Шуточный, игровой характер рассуждения, как и в целом вся обстановка пира, напоминают отказ Сократа рассуждать серьезно об именах Диониса и Афродиты в «Кратиле»¹⁴ и именование сложной диалектики «Парменида» «замысловатой игрой»¹⁵ — у Платона подобного рода мотивы указывают вовсе не на незначительность последующего рассуждения, а, скорее, напротив, подчеркивают необычный, выходящий за привычные рамки тип дискурса¹⁶.

Остроумие в «Пире»

Примечательно, что смеховые пассажи в диалоге распределены очень неравномерно. Так, в речи Федра не упоминается ничего смешного, а по отношению к словам Павсания шутит лишь сам рассказчик, Аполлодор: «тут Павсаний успокоился» — игра греческих слов Παυσανίου δὲ παυσάμενου, то есть завершил свою речь (185c4). Эриксимах не только не смеется сам, но и пытается сдержать острословие Аристофана¹⁷. Сам Аристофан, впрочем, шутит лишь в интермедии перед началом своей речи о том, как ему удалось побороть икоту¹⁸, в то время как его энкомий Эроту отличается исключительной серьезностью от того стиля, которым написаны дошедшие до нас Аристофановы комедии¹⁹.

¹³ *Smp.* 195a8–c3. О шуточном характере см. прим. 9 выше.

¹⁴ *Cra.* 406b7–c3: ἔστι γὰρ καὶ σπουδαίως εἰρημένος ὁ τρόπος... καὶ παιδικῶς.

¹⁵ *Prm.* 137b2: πραγματειῶδη παιδιὰν παίζειν.

¹⁶ Ср. Курдыбайло 2015; Курдыбайло 2008.

¹⁷ *Smp.* 189a8–b2: γελοιοποιεῖς μέλλων λέγειν, καὶ φύλακά με τοῦ λόγου ἀναγκάζεις γίγνεσθαι τοῦ σεαυτοῦ, ἂν τι γελοῖον εἴπῃς, ἔξόν σοι ἐν εἰρήνῃ λέγειν.

¹⁸ *Smp.* 189a3–6.

¹⁹ Алкивиад характеризует Аристофана как человека, который «смешон или нарочно смешит» (ὡς οὐ παρὰ Ἀριστοφάνει οὐδὲ εἴ τις ἄλλος γελοῖος ἔστι τε καὶ βούλεται, *Smp.* 213c3–4).

Что касается Сократа и Алкивиада, то их с Аристофаном объединяет один общий момент: каждый из них не хочет быть поднятым на смех²⁰, причем над Алкивиадом смеются и в действительности²¹.

О том, что первый взгляд на внешность Сократа, равно как и поверхностное знакомство с его речами, вызывает смех, Алкивиад говорит дважды²². Заметим, что и самое начало описания пира включает «нечто забавное», происшедшее с Аристодемом из-за Сократа²³. В целом, именно с Сократом связано наибольшее число упоминаний в «Пире» чего-либо шуточного, забавного или насмешливого.

Структура речей

Все семь речей в диалоге имеют одинаковую структуру, в значительной степени обусловленную негласными правилами состязания (то есть означенными выше критериями). Прежде всего, каждый оратор имеет свои особые убеждения, из которых он исходит и благодаря которым ход его рассуждения не совпадает ни с какой другой речью. Этой стартовой позицией в большинстве случаев оказывается мифологический сюжет — либо взятый из общеизвестного эпоса Гомера и Гесиода (Федр, Павсаний), либо придуманный самим оратором (Аристофан, Сократ). Можно предположить, что с точки зрения критерия «оригинальности» философский миф, придуманный оратором, предпочтительней мифа общеизвестного. Агафон, взявший общеизвестный миф, но обратившийся к нему через отрицание, видимо, должен занимать среднее положение. Такое же среднее положение занимает и Алкивиад: он предлагает череду сравнений Сократа с Марсием, которые трудно назвать полноценным мифологическим сю-

²⁰ Сократ: 198c5–d2, 199a6–b2, 214e4–5; Диотима смеется над вопросом Сократа: 202b10–c2.

²¹ *Smp.* 212e9–213a2, 222c1–2.

²² *Smp.* 215a4–6, 221e1–222a1.

²³ *Smp.* 174d2–e11.

жетом. И только Эриксимах — единственный участник пира, который полагает в основание своей речи не мифологический сюжет, а философскую конструкцию, основанную на его интерпретации Гераклита²⁴.

Каждая речь начинается с краткого обоснования ее необходимости неполнотой или ошибочностью аргументов предыдущего оратора²⁵ — своеобразное его «оправдание», — а затем следуют исходные положения данной речи. Эту часть далее будем называть *экспозицией*²⁶. Содержание экспозиции предстает так, как если бы было заранее продумано энкомиастом, оно не видится как подтверждение или опровержение другой речи (исключением может показаться только речь Агафона по отношению к речи Федра).

После экспозиции следует постепенное развитие выводов, вытекающих из начальных положений. Если экспозиция каждой речи по-своему уникальна, то выводимые из них следствия часто оказываются сходными или даже совпадают с таковыми из других речей. Так, например, вывод о том, что Эрот приносит любящему человеку наибольшее благо, оказывается общим местом большинства речей²⁷.

Наряду с положительными утверждениями вводятся и тезисы, опровергающие положения предыдущих речей. Вместе блок положительных и отрицательных выводов, вытекающих из экспозиции, назовем *экспликацией*²⁸.

²⁴ Trivigno 2017: 50–62.

²⁵ Соответствующие шесть мест: в речи Павсания — 180c4–5; Эриксимаха — 185e6–186a2; Аристофана — 189c2–6; Агафона — 194e5–195a1; Сократа — 198d3–199b2; Алкивиада — 214c8–d2.

²⁶ Точные указания начала и конца каждой экспозиции см. ниже в табл. 2.

²⁷ В речи Федра — 178c2–3 («причина величайших благ»), у Павсания — 184b9–c7 (совершенствование в добродетелях), у Эриксимаха — 188d4–9 (величайшее могущество Эрота, ведущего ко благу и приносящего блаженство), у Аристофана — 193c8–d5 (восстановление целостности андрогина с помощью Эрота — достижение счастья и блаженства), у Агафона — 195a5–8 (среди блаженных богов Эрот — наиблаженнейший), лишь Сократ показывает, что Эрот не обладает и не дарует благо, но сам стремится к нему, хотя и в его устах звучит формула: «любовь — это всегда любовь к благу» (206a6–7).

²⁸ Точные границы всех семи экспликаций можно найти в таблице 2: начало

Содержание экспликации зависит не только от исходных предпосылок экспозиции, но и от содержания предыдущих речей: положительные утверждения должны по возможности не повторять сказанное ранее, а опровергающие суждения должны быть корректно соотнесены с соответствующим контекстом. Поэтому если экспозиция может быть полностью заготовлена заранее, то экспликация обязательно содержит в себе элемент импровизации; первая монологична, вторая же «вступает в диалог» с другими ораторами.

Последовательность речей

Поскольку каждый участник находится в неравном положении относительно остальных, то последовательность, в которой произносятся речи, может существенно влиять на исход состязания. С этой точки зрения эпизод с икотой Аристофана, из-за которой Эриксимах и Аристофан меняются местами в последовательности произнесения речей, требует отдельного рассмотрения²⁹.

Прежде всего, последовательность речей влияет на возможность опровержения аргументов предыдущего оратора. Если Платону необходимо подчеркнуть перестановку местами речей Аристофана и Эриксимаха, значит ли это, что он хочет сказать что-то, касающееся приводимых двумя ораторами аргументов?

В речи Аристофана мы найдем лишь одно опровержение предшественников — типичный для всех речей «Пира» зачин в виде указания на неверность/неполноту сказанного ранее: «Конечно, Эриксимах... я намерен говорить не так, как ты и Павсаний. Мне кажется, что люди совершенно не сознают истинной мощи любви» (*Smr.* 189c2–5).

Точно так же и в речи Эриксимаха единственный элемент критики находится в зачине и выражен к тому же предельно мягко: «Поскольку Павсаний, прекрасно начав свою речь, закончил экспликации совпадает с концом экспозиции, а конец — с концом соответствующей речи.

²⁹ *Smr.* 185c4–e5. Икоте Аристофана посвящено немало исследований, см. особенно Lowenstam 1986; O'Mahoney 2011; Гараджа, Протопопова 2015; Destrée 2015.

ее не совсем удачно, я попытаюсь придать ей завершенность» (*Smr.* 185e7–186a2).

Выходит, что если бы речи Эриксимаха и Аристофана были произнесены в обратном порядке (и в соответствии с тем, как они сидели), то к их аргументам едва ли что-то могло прибавиться или убавиться. Речь Аристофана в особенности отличается замкнутостью внутри себя, она сосредоточена на мифе об андрогинах и практически не упоминает тем, затронутых в других речах.

Ряд исследователей³⁰ соотносят последовательность первых пяти речей со структурой речи Сократа, шестой по счету. В этом соотнесении действительно прослеживается некая архитектоника диалога как целостной смысловой конструкции, но такой подход исключает драматический момент, возможность импровизации и взаимодействия участников состязания. Впрочем, и само состязание теряет при этом свой игровой характер. Поэтому мы не будем углубляться в эту область и заметим лишь следующее.

Во-первых, многие античные комментаторы «Пира» не придавали икоте Аристофана какого-то особо глубокого, определяющего структуру диалога значения³¹.

Во-вторых, сюжет с высмеиванием физиологических явлений мог быть введен Платоном как пародия на схожие сюжеты в комедиях самого Аристофана³². Если согласиться с интерпретацией А.В. Гараджи и И.А. Протопоповой, то описание икоты Аристофана нацелено на высмеивание еще более острого рода, чем это прочитывается в традиционных переводах³³.

В-третьих, на наш взгляд, сам эпизод с икотой может рассматриваться как небольшой поединок между Эриксимахом и Аристофаном. Поначалу Аристофан действительно оказывается в неловком положении: будучи лишен способности произнести речь из

³⁰ См. Lowenstam 1986: 47 и далее, там же обсуждение альтернативных пониманий эпизода с икотой.

³¹ Lowenstam 1986: 43, п. 2.

³² По мнению Rosen 1968: 126 и Nichols 2004: 188, Платон пародирует эпизод из «Облаков» Аристофана 295–296.

³³ Гараджа, Протопопова 2015: 99–106.

за икоты, он обращается за помощью к Эриксимаху сразу в двух отношениях: во-первых, как участнику состязания он предлагает поменяться с ним очередностью, а во-вторых, он просит его как врача помочь купировать приступ икоты.

Эриксимах соглашается с обеими просьбами, а затем в своей речи среди прочего отмечает, что врачебное искусство заключается в установлении правильного отношения между двумя Эротами, и более того, даже сама любовь может требовать врачевания (*Smr.* 188c2). Когда Эриксимах заканчивает свою речь, мы узнаем, что Аристофан испробовал все данные ему врачебные советы и благодаря им успешно поборол икоту (*Smr.* 189a1–6). Выходит, что Эриксимах на деле подтвердил свой врачебный талант, а исходя из логики его речи — тем самым на деле показал себя знатоком природы Эрота. Казалось бы, что бы ни сказал далее Аристофан, это будут только слова, тогда как Эриксимах показал свое превосходство не только словом, но и делом. Возможно, это служит одним из оснований³⁴ снисходительно-покровительственного тона, с которым в интермедии Эриксимах обращается к Аристофану (впрочем, оба при этом не оставляют шутливого тона)³⁵.

Аристофан, однако же, обрушивает недолгое торжество Эриксимаха. Сначала он будто бы продолжает «медицинскую» тему: «Эрот — самый человеколюбивый бог, он помогает людям и врачует недуги, исцеление от которых было бы для рода человеческого величайшим счастьем» (*Smr.* 189d1–3). Только далее оказывается, что врачует Эрот не икоту и пользуется для этого не чиханием, но преодолевает онтологическую раздробленность отдельных людей. Аристофан поднимает значение Эрота на такую высоту, по сравнению с которой обычные житейские недуги, под-

³⁴ Другое основание — то, что именно Эриксимах предлагает начать состязание в похвалах Эроту (177a1–b5), и, хотя и участвует в нем сам, всё же отчасти берет на себя и роль арбитра.

³⁵ Ср.: *Smr.* 189a7–b2: «Ну что ты делаешь, дорогой... ты острословишь перед началом речи, и мне придется во время твоей речи следить, чтобы ты не зубоскалил».

властные искусству Эриксимаха, становятся смешны. Именно поэтому Аристофан подчеркивает исключительную «мощь Эрота» (τοῦ ἔρωτος δύναντις, *Smr.* 189с5, d4).

То, что эпизод с икотой Аристофана может быть прочитан как способ показать торжество поэта над врачом, человека творчества над человеком ремесла, отмечалось разными авторами, обзор их мнений см. Lowenstam 1986: 46. Для нас же этот эпизод будет далее важен в том отношении, что это — еще один неявный аргумент, которым Аристофан опровергает Эриксимаха. Маленький «поединок», как мы его назвали, оказывается микро-игрой внутри макро-игры, то есть всего состязания энкомиастов.

В качестве еще одного подобного поединка можно рассматривать интермедию с Алкивиадом, Агафоном и Сократом в *Smr.* 212с4–213еб, завершающуюся переменой мест за столом участников пира в 222с1–223b2 уже после окончания последней, седьмой речи. То, что в этом состязании за внимание Сократа Агафон одержал верх над Алкивиадом, признал и он сам (223а7–9).

На наш взгляд, с точки зрения игрового контекста состязания в «Пире», обе интермедии — с икотой Аристофана и с пересаживанием Агафона — важны не столько в отношении порядка речей, сколько выступают малыми парными поединками внутри целого состязания. Соответственно, победы Аристофана над Эриксимахом и Агафона над Алкивиадом должны учитываться в итоговом определении победителей.

Классификация экспозиций

Если попытаться классифицировать первые шесть экспозиций по тому, каким образом они характеризуют Эрота, и выделить наиболее значимые черты, то можно предложить следующее:

- первый уровень классификации: по различию унитарной и дуальной моделей. Павсаний и Эриксимах утверждают, что Эрот имеет двойственную природу, более того, прямо говорят о

- «двух Эротх» (resp., *Smr.* 180d3–6 и 186a2–3) — им соответствует дуальная модель. Унитарная модель предполагает, что Эрот един — так утверждают Федр, Аристофан, Агафон и Сократ;
- второй уровень классификации в унитарной модели: по различию срединного и предельного (крайнего, экстремального) положения Эрота. «Предельному» варианту соответствуют экспозиции речей Федра и Агафона: у одного Эрот — один из древнейших богов, у другого — самый молодой. Вместе эти две оппозиции дают картину всеохватывающего, полного, и потому совершенного божества³⁶. «Срединному» варианту отвечают модели Аристофана и Сократа: Эрот находится в центре, посередине между взаимно противоположными стихиями и примиряет, объединяет их, восстанавливает нарушенное единство. Эта модель тесно примыкает к дуальной модели, только в одном случае двойственность заложена в самой природе Эрота, а в другом — вне ее, так что единящий Эрот преодолевает эту двойственность;
 - третий уровень классификации уточняет каждую из категорий высшего уровня: для предельного понимания Эрота, как показано выше, это различие древности и молодости; что же касается «срединного» варианта, то мы предлагаем ввести различие по «горизонтальному» (Аристофан) и «вертикальному» (Сократ) типу связей, устанавливаемых Эротом. В самом деле, для модели Аристофана Эрот соединяет людей между собой, посредством чего они восстанавливают свою целостность как андрогина и, возможно, тем самым восходят на высший онтологический уровень. Однако первоначально устанавливаемое отношение «человек — человек» соединяет между собой члены одного онтологического порядка. Для Сократа же Эрот — прежде всего посредник между смертными и миром богов, умопостигаемым миром. Без «вертикальных» онтологи-

³⁶ О взаимном переходе пространственной, временной, телеологической и других видах предельности Эрота в «Пире» см. Топоров 1987. Ср. также замечания А.Ф. Лосева (1993: 434–435).

ческих связей невозможна не только любовь, но и чувственная выраженность прекрасного. Для Сократа назначение Эрота — равно как и других даймонов — «быть истолкователями и посредниками между людьми и богами, передавая богам молитвы и жертвы людей, а людям наказания богов и вознаграждения за жертвы. Пребывая посередине, они заполняют промежуток между теми и другими, так что Вселенная связана внутренней связью»³⁷.

Наконец, уточним место в этой классификации экспозиции речи Алкивиада. Сделать это сложнее, так как его речь посвящена Сократу, а не Эроту. Главный «теоретический» аргумент Алкивиада, вытекающий из сравнения Сократа с Марсием, — противопоставление «внешней», телесной красоты и красоты «внутренней», душевной. Это противопоставление используется как в унитарной модели (Сократом, 208e1–209a3), так и в дуальной (Павсанием, 183d8–e1). Однако для Сократа обе противоположности объединены общей природой Эрота, тогда как у Павсания этой общности нет. Учитывая же, что Алкивиад стремится «обменять красоту на красоту»³⁸ как разные проявления единой любви, на наш взгляд, его позиция тяготеет к модели Сократа. С другой стороны, вторая яркая черта речи Алкивиада — мотив соперничества любовников, «ловушки» и попытки обманом или хитростью завладеть расположением другой стороны (ср. *Smr.* 217c4–8). О любовном состязании и испытании любовников подробно говорилось только в одной речи — речи Павсания (183e6–184a5). Таким образом, нужно признать, что исходная позиция Алкивиада соединяет элементы экспозиций и Павсания, и Сократа.

Все перечисленные моменты схематически представлены на рисунке 1:

³⁷ *Smr.* 202e3–7: Ἐρμηνεῖον καὶ διαπορθμεῖον θεοῖς τὰ παρ' ἀνθρώπων καὶ ἀνθρώποις τὰ παρὰ θεῶν... ἐν μέσῳ δὲ ὄν ἀμφοτέρων συμπληροῖ, ὥστε τὸ πᾶν αὐτὸ αὐτῶ συνδεδέσθαι.

³⁸ *Smr.* 218e4–5: ἀλλάξασθαι κάλλος ἀντι κάλλους.

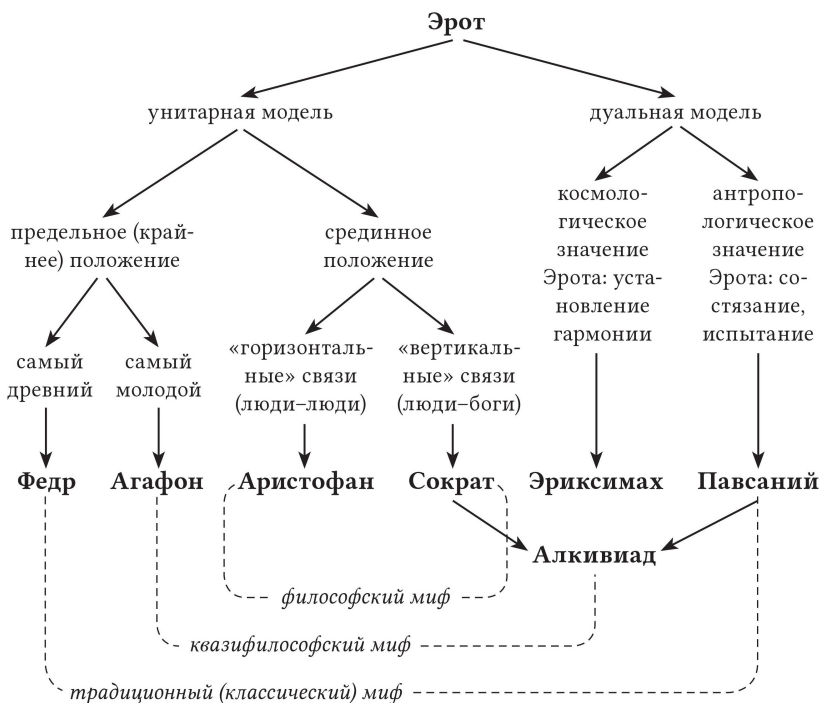

Рис. 1. Классификация экспозиций

Кроме перечисленных признаков, ниже мы будем различать экспозиции также по признаку того, лежит ли в их основе мифологический сюжет, и если да, то относится ли он к классическому античному эпосу или же придуман героями диалога.

Аргументы, используемые в экспликациях каждой из речей

Часть каждой речи, которую мы назвали экспликацией, строится не только на последовательности аргументов, но и на разного рода сравнениях, пояснениях, замечаниях, которые могут не нести собственно философского значения или, по меньшей мере, не характеризовать Эроса значимым образом. Например, в речах Федра и Павсания говорится о том, что Эрот приносит благо

не только отдельным людям, но и полису как целому³⁹. Однако это утверждение нигде больше не получает развития в диалоге и, на наш взгляд, характеризует не столько самого Эрота, сколько способ ведения речи о нем. Ниже мы постараемся выделить те аргументы, которые так или иначе неоднократно упоминаются в диалоге либо тесно связаны с другими аргументами, поясняя их, опровергая или дополняя.

Перечислим главные аргументы, приводимые энкомиастами:

- древность / молодость Эрота. Это утверждение вытекает непосредственно из экспозиции, соответственно, в речах Федра (178a9–c3) и Агафона (195a8–b4). При этом позицию Агафона можно рассматривать как опровержение Федра;
- Эрот — посредник между людьми и богами; Эротом осуществляется «вертикальная» связь между миром людей и миром богов или миром идей (эйдосов). В том или ином виде этот аргумент вводят Федр⁴⁰, Эриксимах⁴¹ и Сократ⁴²;
- Эрот осуществляет «горизонтальные» связи, он связывает людей между собой. Явным образом этот аргумент артикулирует Аристофан (192e10–193a1), а в речи Сократа он явным образом опровергается⁴³. Однако, учитывая, что предыдущий аргу-

³⁹ *Стр.* 178e3–179a1: «если бы возможно было образовать из влюбленных и их возлюбленных государство или, например, войско, они управляли бы им наилучшим образом»; 185b5–6: «Такова любовь богини небесной: сама небесная, она очень ценна и для государства, и для отдельного человека».

⁴⁰ *Стр.* 180b3–4: «любящий божественнее (θεϊότερον) любимого, потому что вдохновлен богом (ἐνθεος)».

⁴¹ *Стр.* 188b6–c2: «жертвоприношения, и всё, что относится к искусству гадания и в чем состоит общение богов и людей, тоже связано не с чем иным, как с охраной любви, с одной стороны, и врачеванием ее — с другой».

⁴² *Стр.* 202e7–a4, в речи о даймонах, к числу которых принадлежит и Эрот: «благодаря им возможны всякие прорицания, жреческое искусство и вообще всё, что относится к жертвоприношениям, таинствам, заклинаниям, пророчеству и чародейству. Не соприкасаясь с людьми, боги общаются и беседуют с ними только через посредство даймонов — и наяву, и во сне».

⁴³ *Стр.* 205d10–206a1. Поскольку эту мысль озвучивает Диотима, то имя Аристофана не произносится. Но то, что сам Аристофан в речи Сократа услышал опровержение своих мыслей, прямо сказано в 212c4–6.

мент принадлежит также Федру и Эриксимаху, можно сказать, что имплицитно их позиция опровергается Аристофаном и затем снова утверждается Сократом;

- Агафон, начиная свою речь, говорит: «все мои предшественники не столько восхваляли этого бога, сколько прославляли то счастье и те блага, которые приносит он людям. А каков сам податель этих благ, никто не сказал. Между тем единственный верный способ построить похвальное слово кому бы то ни было — это разобрать, какими свойствами обладает тот, о ком идет речь, и то, причиной чего он является» (*Smr.* 194e5–195a3). Иными словами, Агафон опровергает всех своих предшественников на весьма значительном основании: и Федр, и Павсаний, и Эриксимах, и Аристофан, по его мнению, говорили только о действиях Эрота, видимых для людей, но не о его собственной природе (что, конечно, является чрезмерным обобщением со стороны Агафона). Этот, можно сказать, вполне «сократический» ход мысли Агафона подготавливает почву для речи самого Сократа, которая будет произнесена следующей — в ней Сократ также будет говорить о самом Эроте, имплицитно воспроизводя Агафоново опровержение первых четырех речей⁴⁴;
- как уже отмечалось выше, для трех речей общим оказывается противопоставление любви к телу и любви к душе или, более обще, антитеза «внешнего» и «внутреннего», в конечном итоге приводя к антитезе чувственного и умопостигаемого. Этот мотив мы находим в речах Павсания, Сократа и Алкивиада⁴⁵;
- еще один общий мотив для двух речей — тема любовного состязания или испытания любовниками друг друга. Об этом говорят Павсаний и Алкивиад⁴⁶, для которых Эрот — не столько посредник, объединитель и примиритель, сколько источник динамической напряженности любовных отношений;

⁴⁴ Речь Агафона не только композиционно предшествует речи Сократа, но и связана с ней еще целым рядом деталей диалога (см. Lowenstam 1986: 52).

⁴⁵ *Smr.* 183d8–e1 (Павсаний), 208e1–209a3 (Сократ); у Алкивиада этот мотив пронизывает всю его речь.

⁴⁶ *Smr.* 183e6–184a5 и 217c4–8.

- в двух речах возникает противопоставление свободы и рабства или свободы и необходимости: Павсаний говорит о «добровольном рабстве» (δουλεία ἐκούσιος, *Smr.* 184c2) своему возлюбленному ради совершенствования в добродетелях, а Агафон, развивая свой рассказ о молодости Эрота, говорит, что до его появления среди богов царила Необходимость (Ἀνάγκη), а с ним — всякое насилие упразднилось (195c2–б). Впрочем, хотя и без насилия, но Эрот может причинять и страдания, которые, однако, принимаются людьми свободно, а не вынужденно, «с обоюдного согласия» (ἀν ἐκὼν ἐκόντι ὁμολογήσῃ, *Smr.* 196b7–c3);
- Сократ в своей речи упрекает Агафона в том, что тот «считал, что Эрот есть предмет любви, а не любящее начало»⁴⁷. Из этого заблуждения проистекает, по словам Сократа, суждение Агафона, что Эрот прекрасен, обладает множеством добродетелей и совершенств, тогда как на самом деле Эрот ничем этим не обладает, но только стремится ко всему подобному. Надо отметить, что в лице Агафона Сократ опровергает, по меньшей мере, и Федра, который из древности Эрота выводит также множество его совершенств и даруемых им благ. Отчасти это же утверждение можно было бы перенести также на «благотворного Эрота» Эриксимаха и «небесного Эрота» Павсания;
- Эрот как сила, превосходящая смерть, описывается Федром, который приводит несколько мифологических примеров (179b4–180a1), и Сократом, для которого «любовь — это стремление и к бессмертию»⁴⁸;
- наконец, обсуждавшаяся выше интермедия с икотой Аристофана тоже может быть добавлена сюда как успешное опровержение Аристофаном позиции Эриксимаха;
- равным образом и микро-состязание за место рядом с Сократом может считаться победой Агафона над Алкивиадом.

⁴⁷ *Smr.* 204c2–3: τὸ ἐρώμενον ἴρωτα εἶναι, οὐ τὸ ἐρῶν.

⁴⁸ *Smr.* 207a3–4: ἀναγκαῖον δὴ ἐκ τούτου τοῦ λόγου καὶ τῆς ἀθανασίας τὸν ἔρωτα εἶναι.

«Ходы» участников поэтического состязания

Теперь попытаемся оценить, кто из участников состязания мог бы считаться его победителем, исходя из достоинств избранной каждым экспозиции, количеством приведенных положительных аргументов и успешностью опровержения предшественников. Для этого сведем в таблицу отобранные критерии. Знаком «+» обозначим утверждения участников состязания, а знак «-» будем использовать, когда очередной речью опровергается аргумент, уже заявленный в предыдущих речах. Также оба знака будут использоваться, чтобы отметить значимые особенности экспозиций каждой речи. Серым цветом помечены те утверждения, которые в последующих речах будут опровергнуты.

Таблица 1

		Федр	Павсаний	Эриксимах	Аристофан	Агафон	Сократ	Алкивиад
экспозиция	в основе — мифологический сюжет	+	+		+	+	+	+
	в основе — новый философский миф				+	½+ ⁴⁹	+	½+ ⁵⁰
экспликация	древность Эрота	+				-		
	Эрот — посредник в «вертикальной» связи	+		+			+	
	Эрот связует людей «горизонтально»				+ ⁵¹			
	описывать блага Эрота для людей vs. его собственные свойства	+	+	+	+	-	-	

⁴⁹ Агафон просто отрицает известный традиционный миф, поэтому здесь засчитывается ½ успешного «хода».

⁵⁰ Алкивиад не создает полноценный миф, но лишь строит серию сравнений, поэтому здесь также засчитывается ½ успешного «хода».

⁵¹ В речи Аристофана этот аргумент находится внутри экспозиции.

	антитеза любви к телу и любви к душе		+				+	+
	любственное состязание, испытание		+					+
	Эрот противопоставлен необходимости, несвободе		+			+		
	Эрот совершенен, он — «предмет любви» vs. «любящее начало»	+				+	-	
	Эрот преодолевает смерть	+					+	
интермедии	эпизод с икотой Аристофана			+	-			
	эпизод с Агафоном и Алкивиадом					-		+

Также нужно учесть еще один момент. С точки зрения композиции речей, в разных случаях экспозиция и экспликация имеют разный «вес» по отношению друг к другу. Например, в речи Сократа этиологический миф о Поросе и Пенее занимает менее одной Стефановой страницы (203b–204a), тогда как вся речь простирается на 13 страниц (199c–212c), что составляет немногим более 6% от всего текста речи. В речи же Аристофана, напротив, на экспозицию приходится 76%. Очевидно, что сравнительно малое количество аргументов в экспликации Аристофана должно компенсироваться сложностью его экспозиции. В приведенной ниже таблице видно, что, за исключением Аристофана, во всех речах объем экспозиции не превышает одной Стефановой страницы, несмотря на разные длины самих речей. И только Аристофаном предложен особый способ изложения мысли — основанный на мифологеме и практически полностью обходящийся без того относительно строгого пути обоснования и связывания выводов, к которому прибегают остальные ораторы:

Таблица 2

	Экспозиция			Экспликация		
	начало	конец	длина, строк	начало	конец	длина, строк
Федр	178a7	178c2	17	178c3	180b8	70
Павсаний	180d3	180e3	9	180e3	185c3	163
Эриксимах	186a2	186b8	14	186b8	188e4	93
Аристофан	189d6	192e10	128	192e10	193d5	29
Агафон	195a8	195c6	14	195c6	197e8	92
Сократ	203b2	204a7	35	204a8	212c3	328
Алкивиад	215a6	215d6	23	215d6	222b7	250

Тем не менее, насколько мы можем представить способы античного судейства при определении победителей разного рода состязаний, слишком тонкие методы определения победителей считались, по меньшей мере, неубедительными. Поэтому сопоставим игровые «ходы» участников пира, исходя из их равного веса, то есть подразумевая равные условия состязания и, следовательно, равные для всех правила определения победителя. Исходя из приведенного выше списка (таблица 1), считаем количество удачных «ходов» каждого участника пира. Будем считать, что каждый положительный аргумент приносит один балл, а каждое опровержение — кроме того, что добавляет один балл высказавшему его участнику, снимает соответствующий балл у предшественника, высказавшего опровергаемый тезис. Таким образом получаем итоговые суммы:

Федр	Павсаний	Эриксимах	Аристофан	Агафон	Сократ	Алкивиад
3	4	1	4	5,5	7	3,5

Несмотря на равные баллы, формально подсчитанные для Павсания и Аристофана, нужно помнить, что, как отмечено выше, необычно длинная экспозиция речи Аристофана придает ей до-

полнительный вес, а речь Павсания, напротив, завершается на-смешкой Аполлодора, от имени которого ведется весь рассказ. Иными словами, первенство Аристофана перед Павсанием едва ли может быть поставлено под сомнение. Поэтому распределить места между всеми участниками состязания можно следующим образом:

1-е место	Сократ
2-е место	Агафон
3-е место	Аристофан
4-е место	Павсаний
5-е место	Алкивиад
6-е место	Федр
7-е место	Эриксимах

К вопросу о достоверности результатов

Любопытно отметить, что участники состязания, которые по нашим расчетам заняли первые три места, особо отмечены в самом конце диалога следующими словами:

Проснулся он [Аристомед] на рассвете, когда уже пели петухи, а проснувшись, увидел, что одни спят, другие разошлись по домам, а бодрствуют еще только Агафон, Аристофан и Сократ, которые пьют из большой чаши, передавая ее по кругу слева направо, причем Сократ ведет с ними беседу. Всех его речей Аристомед не запомнил, потому что не слышал их начала и к тому же поддремывал. Суть же беседы, сказал он, состояла в том, что Сократ вынудил их признать, что один и тот же человек должен уметь сочинить и комедию, и трагедию, и что искусный трагический поэт является также и поэтом комическим. Оба по необходимости признали это, уже не очень следя за его рассуждениями: их клонило ко сну, и сперва уснул Аристофан, а потом, когда уже совсем рассвело, Агафон (*Smp.* 223c2–d8).

То есть Сократ, который в нашей интерпретации занял первое место, не уснул совсем, второй после него, Агафон, уснул последним, а перед ним уснул Аристофан, занявший третье место — выходит, что местам победителей в состязании энкомиев в точности соответствуют места в следующем состязании — кто дольше не уснет.

Если учесть древнюю метафору сна как смерти⁵² и соотнести ее со словами Сократа об Эроте как стремлении к бессмертию (*Smr.* 206e7–207a4), то, выходит, те, кто лучше воспели божество любви, те в большей степени и приблизились к бессмертию, что образно отразилось в их (относительной) неподвластности сну.

Любопытно и то, что две интермедии, содержащие микро-состязания, Аристофана с Эриксимахом и Агафона с Алкивиадом, в итоге выявляют победителями тех, кто займет первые два места после Сократа. Возможно, именно в этом и заключается композиционное назначение этих интермедий.

Что касается занявших последние места, Эриксимаха и Федра, то и им посвящена небольшая ремарка в конце диалога: «Тут поднялся страшный шум, и пить уже пришлось без всякого порядка, вино полилось рекой. Эриксимах, Федр и некоторые другие ушли, по словам Аристодема, домой» (*Smr.* 223b5–8). Впрочем, эти два героя были любовниками, и то, что они приходят и уходят вместе, не удивительно. Однако, покинув застолье, они образуют вполне явную метафорическую антитезу Сократу, Агафону и Аристофану, которые остались и выдержали испытание вином и сном.

Возможно, именно чтобы уравновесить мотив поражения в состязании, его своеобразным ведущим⁵³ Платон «назначает» как раз Эриксимаха, который, в свою очередь, называет Федра «от-

⁵² Уже у Гесиода Смерть (Θάνατος) и Сон (Ύπνος) — родные братья, сыновья Ночи, пребывают в Аиде, принадлежат старшему, доолимпийскому поколению богов (*Th.* 211–212, 756–759). Подробнее о других случаях сближения Гипноса и Танаоса см. van Harten 2011: 170.

⁵³ Именно Эриксимаху принадлежит большинство реплик в интермедиях, когда речь переходит от одного оратора к следующему.

цом этой беседы» (*Smp.* 177d5), то есть тем, кому первому пришла в голову мысль произнести похвальную речь Эроту.

Таким образом, предложенный способ анализа диалога «Пир» предлагает результат, не противоречащий как основному философскому содержанию диалога, так и мелким метафорическим деталям в драматическом обрамлении речи Платона.

Проведенный нами анализ, разумеется, не исчерпывает возможности интерпретации «Пира» и содержит в основе ряд ограничивающих допущений:

- 1) «Пир» рассматривается в драматической перспективе, то есть состязание участников было взято как реальный диалог семи личностей, имеющих определенные убеждения, подбирающих аргументы и выслушивающих других ораторов. Однако текст «Пира», как отмечалось исследователями, содержит немалое число анахронизмов и рассогласованностей⁵⁴, свидетельствующих о том, что мы имеем дело с тщательно сконструированным нарративом, а не «стенограммой» спонтанной беседы. Так, например, А.Ф. Лосев считал, что первые шесть речей «Пира» выстроены в последовательном иерархическом порядке⁵⁵;
- 2) выделение в тексте каждой речи аргументов оратора может быть выполнено по-разному. Предложенный нами набор аргументов может быть как сужен, так и расширен. То же касается и опровержений: кроме самых явственных, четко выраженных полемических моментов, в рассмотрение могут быть включены и различные тонкие намеки, а также принято во внимание совпадение позиции критикуемого оратора с другими речами — явно не критикуемыми, но тем не менее подпадающими под опровержение;

⁵⁴ Lowenstam 1986: 52; Obdrzalek 2017: 71; Howatson, Sheffield 2008: 26, n. 109.

⁵⁵ Лосев 1993: 439–441.

- з) мы почти не принимали во внимание стилистические и риторические приемы, которые могли существенно влиять на восприятие речи античным слушателем.

Тем не менее, полученное в итоге распределение первых трех мест победителей не только вполне согласуется с текстом Платона, но и совпадает с мнением ряда современных исследователей «Пира».

И, наконец, последний вывод: приведенная выше на рис. 1 классификация экспозиций каждой из речей в сопоставлении со списком победителей свидетельствует о том, что нарратив диалога не нацелен на выделение «правильных» концепций Эрота на фоне концепций «ошибочных» — иначе бы «дуалисты» Павсаний и Эриксимах должны были оказаться рядом, а сторонник предельного понимания Эрота Агафон не оказался между «державшимися середины» Сократом и Аристофаном. Выходит, что теоретическая значимость исходных положений каждой речи не определяет до конца ее победу или поражение, то есть результат состязания не сконструирован как простой итог сопоставления философских взглядов, но обусловлен внутренним взаимодействием аргументов — этим, на наш взгляд, оправдывается возможность драматического прочтения «Пира».

Литература

- Гараджа, А.В.; Протопопова, И.А. (2015), “Convivii trivía: заметки по тексту платоновского «Пира»”, *Платоновские исследования* 2.1: 83–116.
- Дворецкий, И.Х. (1958), *Древнегреческо-русский словарь*. Т. 1. М.: Государственное издательство национальных и иностранных словарей.
- Курдыбайло, Д.С. (2008) “Забавы, милые богам: О диалектике игры в диалогах Платона”, *Πλατωνόπολις*: 5-я летняя молодежная научная школа, 18–24 августа 2008. URL: <http://plato.spbu.ru/SUMMER-SCHOOL/summerschool5/05-Kurdybaylo.htm>
- Курдыбайло, Д.С. (2015), “От игры к мистерии: об интерпретации этимологий в диалоге Платона «Кратил»”, *Платоновские исследования* 3.2: 92–116.

- Лосев, А.Ф. (1993), “«Пир»: учение о пределе”, in А.Ф. Лосев et al. (ред.), *Платон. Собрание сочинений в 4 томах*, 2.434–441. М.: Мысль.
- Топоров, В.Н. (1987), “Понятие предела и ”Ερωξ в платоновской перспективе (этимологический аспект)”, in Л.А. Гиндин (ред.), *Античная балканистика*, 107–118. М.: Наука.
- Burnet, J., ed. (1910), *Platonis Opera*. Т. 2. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano.
- Destrée, P. (2015), “‘The Allegedly Best Speaker’: A Note on Plato on Aristophanes (*Symp.* 189a7)”, *Classical Philology* 110.4: 360–366.
- Edelstein, L. (1945), “The Rôle of Eryximachus in Plato’s *Symposium*”, *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 76: 85–103.
- Garadža, A.V.; Protopopova, I.A. (2015), “Convivii trivia: Notes on the Text of Plato’s *Symposium*”, *Platonic Investigations* 2.1: 83–116. (In Russian.)
- Howatson, M.C.; Sheffield, F.C.C., eds. (2008), *Plato. The Symposium*. Cambridge University Press.
- Kurdybaylo, D.S. (2015), “From Game to Mystery: On Interpretation of Etymologies in Plato’s *Cratylus*”, *Platonic Investigations* 3.2: 92–116. (In Russian.)
- Liddell H.G.; Scott R.; Jones, H.S. (1996), *A Greek-English Lexicon*. Oxford: Clarendon Press.
- Lowenstam, S. (1986), “Aristophanes’ Hiccups”, *Greek, Roman and Byzantine Studies* 27.1: 43–56.
- Nichols, M.P. (2004), “Socrates’ Contest with the Poets in Plato’s *Symposium*”, *Political Theory* 32.2: 186–206.
- O’Mahoney, P. (2011), “On the ‘Hiccuping Episode’ in Plato’s *Symposium*”, *The Classical World* 104.2: 143–159.
- Obdrzalek, S. (2017), “Aristophanic Tragedy”, in P. Destrée, Z. Giannopoulou (eds.), *Plato’s Symposium: A Critical Guide*, 70–87. Cambridge University Press.
- Rosen, S. (1968), *Plato’s Symposium*. Yale University Press.
- Scott, G.A.; Welton, W.A. (2008), *Erotic Wisdom: Philosophy and Intermediacy in Plato’s Symposium*. Albany: State University of New York Press.
- Trivigno, F.V. (2017), “A Doctor’s Folly: Diagnosing the Speech of Eryximachus”, in P. Destrée, Z. Giannopoulou (eds.), *Plato’s Symposium: A Critical Guide*, 48–69. Cambridge University Press.
- Van Harten, A. (2011), “Socrates on Life and Death (Plato, *Apology* 40c5–41c7)”, *The Cambridge Classical Journal* 57: 165–183.